

Введение

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ЕЕ ОВЕЩЕСТВЛЕННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ: К ФОРМУЛИРОВАНИЮ МЕТОДА ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЕВЕДЕНИЯ (на основе сбора, изучения и экспонирования коллекций МАЭ по бамбара)

Познание общественных процессов и явлений в рамках музейной практики требует специальных осознанных подходов и приемов, которые предопределяются особенностями и структурой информационной базы основного материала исследования — вещей, непосредственно хранимых и изучаемых в музеях.

Всечеловеческий общественный процесс (или «общественная форма движения») имеет всегда конкретно-временные, исторически предопределенные проявления. Их восприятие участниками процесса, заданность и вариативность их поведения, регулируемость и стихийность — все это непреложные стороны обязательной особенности общественного процесса, какой выступает культура. Культура — это код восприятия действительности, и способ воздействия на нее, и цель самого действия. Культура — это адаптированная людьми Среда существования. Собственно, средства существования и есть овеществленная часть культуры — вещи, предметы, т.е. все то, что принято называть «материальной культурой», традиционно выступающей основной сферой музейного интереса к общественным явлениям.

В соответствии с традициями науки эти предметы можно рассматривать и как инструменты каких-то действий, как знаки, символы, преобразователи реальности, как замыслы и цели, предшествующие действиям и воплощающие их. Но их же можно воспринимать и как продукт, результат предшествующих действий, как проявление накопленного опыта, совершенного действия, след былой целостной реальности. В любом из таких предметов есть соединение опыта и преобразования, традиции и новации, постоянства и изменчивости, вариативности проявлений культуры и самой жизни.

В науке принято рассматривать любое проявление общественной реальности, общественного процесса, а следовательно, и любой культурный феномен как многоаспектный, проявляющийся одновременно в нескольких сферах производства и воспроизводства общественной жизни, в единстве и взаимовлиянии всех составляющих. Соответственно, и любой предмет, выступающий, к примеру, в качестве единицы музейного хранения, в создавшей его человеческой среде выступал и в сфере хозяйства, и в структуре социальных связей, и в связи с мировоззренческими представлениями, содержа в себе и функциональные, и эстетические, и «мироцелостные» установки создавших его людей, свидетельствуя о них в процессе познания. Попутно можно отметить, что «принцип мироцелостности» в данном случае подразумевает видение закономерности вхождения элемента (предмета) в целостную систему (культуру), которое для культур Архаики часто превращает «предмет» в «элемент модели Мира».

Таким образом, возможен особый взгляд на вещи как на источник информации о создавших их людях. Этот взгляд, отвечающий особенностям музейного дела, дает специфическую картину общественной действительности, в чем-то более точную, достоверную, чем многие описания наблюдавшихся «неопредмеченных» явлений общественной практики. Впрочем, наибольших успехов в достоверном познании принесет согласованное рассмотрение всех доступных единовременному восприятию и анализу фактов и сторон реальности, сколь бы многоаспектной и многоплановой она ни представала в процессе исследовательского взаимодействия с нею.

За музеем как депозитарием «документов» — вещей и знаний — закрепляются особая функция и особые средства познания человеческой реальности, а также особые формы внедрения познанного в общественную практику: преимущественно через визуально воспринимаемые, «опредмеченные» модели. Эти «модели», выступающие редуцированными, типологизированными, обобщенными подобиями реальных культурных комплексов в сопутствующих жизненному процессу людей вещах, в музейных условиях становятся документированным, относительно «аутентичным» воспроизведением этой живой культурной реальности. Напрямую это воспроизведение происходит с помощью вещей в экспозиции, фондах, но может быть реализовано и в отраженной, опосредованной форме. Такой может оказаться тематическая, материаловедческая и иная рубрификация каталогов и картотек, сводов, таблиц и т.п. На этой основе возможны

и «виртуальные» модели, представляющие в зримом виде, в воспринимаемом реконструируемом образе «отпечаток» действительности.

Предлагаемая читателям работа вписывается в обширную исследовательскую традицию как по объекту и предмету исследования (культура бамбара), так и по преимущественности отечественных подходов к изучению Западного Судана и методологическим основаниям видения проблем и подходов. В рамках комплексной регионалистики я склонен причислять себя к традициям, заложенным Д.А. Ольдерогге [1957: 91–102; 1960; 1966: 3–10; 1973: 3–11; 1975: 6–19; 1983], Л.Е. Куббелем [1963; 1974], А.Б. Летневым [1964].

С учетом привлечения языковых и социологических материалов схожая направленность усилий имела и в сопредельной регионалистике Западной Африки (Р.Н. Исмагилова, Н.Б. Кочакова, И.В. Следзевский, В.А. Попов, Д.М. Бондаренко). К авторской новизне следует отнести в первую очередь масштаб использования собственных полевых материалов, постановку специфических методологических проблем, вытекающих из особенностей полевого опыта, а также практические выводы, идущие от проверки «в поле» теоретических положений «ленинградской школы африканистики» (Д.А. Ольдерогге, В.М. Мисюгин, Н.М. Гиренко и др.). Уместно подчеркнуть, что автор, как последователь этой школы, старался выступать «контактером» в поле непосредственно, без прибегания к кодам чуждых культурных систем (стереотипов собственной культуры или, скажем, культуры Франции как бывшей метрополии, пустившей достаточно глубокие корни в реалии изучаемой среды) в их языковой или образной формах. Это «вживание», «эмпатия», «созвучие», «соощущение».

Аналогичные подходы и материалы встречаются и в зарубежной науке, но со своей спецификой. Так, авторитетные французские коллеги К. Мейассу [1963: 186–227; 1965: 125–142; 1968; 1975; 1998; 2001; 2009] или Ж.-Л. Амсель [1977; 1990; 1998; Amselle, M'Vokolo 1999] более склонны к рассмотрению проблем структурного исследования социального или экономического процессов у бамбара, т.е. материальной жизни, реже обращаясь к проблемам ее отражения — духовной сфере.

Аналитический подход стал своего рода эталоном в науке. А вот подход синтезирующий, показывающий всеобщность, — редко встречающийся прием. К тому же против него могут быть выдвинуты возражения, исходящие из избыточной усложненности построений, их нагромождения: от самих моделей до языковых конструкций, при помощи которых они описываются.

Литературной информационной базой для настоящего исследования выступает обширный материал, накопленный наукой. Он включает отчеты о первых путешествиях и экспедициях европейцев в Западный Судан (Мунго Парк, Грей и Дочард, Р. Кайе, А.-М. Раффенель, А. Маж, д-р Кентен, Ж. Галлиени, К. Пиетри, д-р Тотен, Э. Карон, Л. Бенже, А. Гуро, Л. Деплань). Часть этих сочинений органично переходит в первые близкие к научным описания проблемного характера (А.-М. Раффенель, д-р Тотен, Л. Деплань). Из литературы этого жанра формируется корпус сочинений справочного и обобщающего характера. Это работы «классиков» изучения бамбара и региона их проживания в целом: М. Деляфосса, Ш. Монтея, А. Лябуре, Л. Токсье. Нельзя не упомянуть М. Гриоля и его учеников Ж. Калам-Гриоль, Ж. Дитерлен, С. де Ганэ, Д. Польм. Эта школа, активно работавшая в 1930–1950-е годы, а также близко стоявший к ней Д. Заан, много сделали для изучения духовных основ жизни бамбара. Впрочем, результаты работы этих исследователей резко расходятся с положениями и результатами работ в той же области аббата Анри и Л. Токсье, которым автор в силу своего полевого опыта склонен доверять больше [Арсеньев 2010: 190]. Разработке сюжетов истории бамбара посвятили свои усилия Р. Пажар, И. Персон, Ж. Базен, Ж.-Л. Амсель. Последний наряду с К. Мейассу, Э. Лейно и А. Роленом приложил усилия к изучению социальной и экономической эволюции у бамбара. Большой вклад в процесс познания этой культуры вносят исследователи социальной организации бамбара и ее исторической трансформации: Д. Конрад (США), М. Перинхам (Великобритания), Таль Тамари (Франция). Заметное место в изучении различных аспектов культуры бамбара занимают малийские ученые Ю.-Т. Сиссе, Б. Н’Диай, Р. Н’Диай Кейта, К.Д. Ардуэн и др. Несомненной традицией в этой области обладает и отечественная наука благодаря начальным усилиям Д.А. Ольдерогге, А.Б. Летнева, Л.Е. Куббеля. В музейное дело в связи с культурой бамбара немалый исследовательский вклад внесли Л. Фробениус, Д.А. Ольдерогге, М. Гриоль, Д. Заан, Дж.П. Императо, К. Эйзра, С. Джаките, К.Д. Ардуэн, С. Мале, П.А. Куценков.

Особое место в литературных источниках по бамбара занимают арабоязычные сочинения по культуре средневекового Западного Судана (прежде всего «Тарих ас-Судан» и «Тарих ал-Фатташ»). Долгое время они служили основой для рассмотрения культурно-исторических процессов в регионе. Однако в последние годы появилась тенденция переосмысления этих взглядов, в частности, ставится под сомнение информационная ценность этих ранее весьма уважаемых

специалистами источников. Эта тенденция нашла свое отражение на симпозиуме памяти М. Деляфосса в 1996 г. в Париже.

Важным блоком литературных источников выступают публикации и исследования по фольклору бамбара и родственных народов: эпос (Д.Т. Ниань, Ж. Дюместр, Л. Кестело, А. Труайе, Ю.-Т. Сиссе, Д.-Ж. Кулибали и др.), песенный фольклор (Р. Люно), сказки (М. Травеле, М. Диарра), пословицы и поговорки (М. Травеле, Молен). В то же время в области музыкального фольклора проведена большая работа по его регистрации, но пока еще отсутствует традиция исследования.

Отдельным источниковым блоком выступает сам язык бамбара. Парадигматика и синтагматика, лексикология, идеоматика — все это материал для постановки и решения проблем отражения и кодификации информации. Изучение клише речи, семантические реконструкции, этимологии многое дают для понимания стереотипов культуры, для поиска адекватных картин и моделей «мира бамбара». Следует отметить работы в этой области М. Диарра, С.И. Томчиной, Ж. Дюместра, В.Ф. Выдрина.

Однако в этой работе своего рода эталоном для восприятия источников иного рода выступает упомянутый полевой опыт автора, отраженный в его полевых и личных дневниках, письмах, фотографиях. Этот опыт аккумулирует результаты наблюдений, переживаний и сопереживаний, бесед, данные опросов, интервью, анкет.

Одним из источников выступают музейные фонды. Мне самому удалось собрать более 1000 предметов, отражающих культуру бамбара и взаимодействующих с ними соседних народов. С учетом предметов по ближайшему окружению бамбара и народов зоны их постоянного взаимодействия эта коллекция насчитывает около 1200 единиц. Она хранится в фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) и Государственного Эрмитажа. Мне хорошо знакомы другие коллекции по бамбара и их региону в МАЭ, из которых наиболее значимой является весьма интересная и по сути базовая для данного этноса в собрании музея коллекция Л. Фробениуса, зарегистрированная под № 1688. Кроме того, мне удалось ознакомиться с фондами по бамбара в Музее Человека и в Музее искусства Африки и Океании в Париже. В какой-то мере эти фонды перекочевали в Музей Набережной Бранли и дополнились другими поступлениями в этот новый музей. Я работал и с коллекциями Л. Фробениуса по бамбара в Музее народоведения в Берлине, Музее народоведения в Лейпциге (Грасси-музеум), Музее народоведения в Дрездене. Также

этой темой мне довелось заниматься в Национальном музее Мали, Музее ИФАН в Дакаре, Этнографическом музее во Флоренции, Музее искусства народов Востока и в Музее антропологии и этнографии при МГУ. Кроме того, я имел возможность получить доступ к ряду частных собраний в Париже, Москве и Санкт-Петербурге. Большой интерес представили и вещи культурного ареала бамбара из собрания Р. Климтта (Германия), экспонировавшиеся в марте-апреле 2010 г. в Санкт-Петербурге. Я также специально знакомился с оборотом предметов культуры бамбара на рынке искусства и антиквариата в Бамако, Дакаре, Париже, Берлине, Флоренции и Венеции.

Вспомогательным источником исследования выступают некоторые материалы Национальных архивов Мали. Интерес представляют видео- и фотоматериалы из фототеки Музея Человека в Париже, собрания открыток, почтовых марок, видовых и музейных альбомов, в том числе из частных собраний, например собрания Ж. Мерийона в Париже. Этот, к сожалению, трагически погибший в октябре 2007 г. энтузиаст, проживший полтора десятка лет в Мали, успел издать видеодиск, включающий около двух тысяч открыток колониальной эпохи по Западному Судану. Я использовал и несколько сотен почтовых открыток, отражающих культуры Верхнего Понитерья. Из известных мне около ста относятся к началу XX в. и находятся в моем собрании. Я также активно использую собственный обширный фотоархив, архив фотоснимков Н.К. Белоуса, сопровождавшего меня в поездке в Республику Мали в 2005 г., а равно и фотографии А.Ю. Сиим, сделанные ею в Мали в 2008 г. Общий объем этого «банка» фотоматериалов, сделанных в «Стране бамбара», составляет до 2000 снимков. И это не считая альбомных и видовых снимков в публикациях других авторов. В моем распоряжении имеется и несколько видеоматериалов в форме кассет и компакт-дисков, записей ТВ-передач малийского телевидения, любительских и профессиональных съемок. В моем информационном багаже также десятки собственных рисунков, которые можно рассматривать как образные отражения и реконструкции реальностей жизни бамбара. Как и дневники, они обладают потенциалом эмоциональной идентификации с культурными стереотипами самих бамбара. Принципиально то же может быть отнесено и к литературно (беллетристически) оформленным реконструкциям стереотипов культуры бамбара, опубликованным мною в предварявшей эту монографию книге «Бамбара: от образа жизни к образам мира и произведениям искусства. Опыт этнографического музееведения» (СПб.: МАЭ РАН, 2000. 272 с.).

Я рассматриваю эту ранее вышедшую книгу как костяк, основную модель монографического представления традиционной культуры бамбара в единстве и взаимосвязи проявлений отраженного, позиционирующего в реальности образа мира бамбара, а также в овещественных воплощениях этого мира, в том числе и в инструментальной сфере, обеспечивающей взаимодействие с этим миром в процессе жизнеобеспечения. Она выступала первым серьезным этапом разработки музеологической темы, связанной с опредмеченным, овещественным миром культуры бамбара, была базой структурирования целостного взгляда на эту культуру и на феномен артефактов, сопутствующих ее существованию. И я с удовлетворением должен отметить, что разработка этой концепции получила признание и оказалась поддержана в 1996 г. Фондом Поля Гетти (США), поощряющего исследования в области истории и теории искусства.

Настоящая публикация есть развитие, конкретизация и попытка воплощения ранее высказанных подходов и обозначенных коннотаций реальных явлений и их соответствий в научном конструкте — в модели этой живой, объемной, всесвязной модели единства Природы—Общества—Культуры.

Центральной проблемой для меня становится определение параметров целостности культуры бамбара. При этом она рассматривается в единстве образа жизни (условно — «объективной реальности»), образов мира (условно — «отражения» или «субъективной реальности») и их вещного воплощения. К такому воплощению относятся и так называемые «произведения искусства». Ими оказываются артефакты, преимущественно связанные с символической системой. Это опорные знаковые, эстетизированные, особо ценные для этого общества предметы. Они представляют сущностно важные элементы символической модели мира как основы осознанной организации жизненного процесса общества. Для музейной исследовательской деятельности это необходимая теоретическая модель. Она способна соединить теорию и методологию общественных наук с практикой конкретного «вещеведения» (ср., например: [Липс 1954]). Эта же модель способна содействовать вводу в научный оборот (на языке общей теории) информационного банка данных в виде конкретных предметов, хранимых в фондах этнографических музеев. Только в МАЭ, как уже отмечено, таковых по культуре бамбара (или близких им этносов) имеется более тысячи.

Такая постановка проблемы обусловливается состоянием региональных исследований по Западной Африке, тенденциями в обще-

ственных науках, гуманитарном знании, а также состоянием современной системы культуры, включающей науку, т.е. цивилизации. В философии и культурологии последней четверти XX в. укрепились определение всеобщего состояния системы отражения человечества как «постмодернизм». Это кризис устоявшихся картин мира, поиск новых комбинаций элементов «ускользающей» целостности, попытка формулирования новых постулатов для обретения новой целостной картины бытия и ориентиров в нем. В нынешней цивилизационной реальности весьма остро формулируется проблема критики самой науки, в том числе и представителями научной традиции. Очень актуально соотношение науки и «рефлексий среды», включая и альтернативные, отсеченные временем (тем же позитивизмом и техницизмом) системы знаний. Отсюда злободневность соотношения «истинного» и «мнимого» (или «истинно мнимого»). От подтвержденного практикой разрешения этих проблем зависит сама цивилизационная перспектива человечества. Пока одним из прогнозов выступает его гибель при условии сохранения прежней, техногенной, направленности цивилизации. Отсюда интерес к Архаике (как альтернативе форм адаптации). Однако следует предостеречь, что имеется опасность отождествления научного результата изучения Архаики с «истинной» картиной мира. Опыт сравнительного изучения культур подсказывает, что мир во многом такой, каким мы его хотим видеть. И сколько вариантов видения мира ни предложи, они в чем-то, если не во многом, могут оказаться «истинно мнимыми», так как даже при абсурдности черт могут обладать более или менее ограниченной жизнеспособностью.

Адекватное отражение в нашей научной традиции картины общественного взаимодействия в системе мира, бытия и жизнепроизводства, близкой Архаике, а посему альтернативной (по определению) нынешней цивилизации, позволяет серьезным образом скорректировать наши собственные картины мира. Это, соответственно, позволяет преодолеть неопределенность постмодернизма, вывести цивилизацию из кризиса, выйти на новую фазу устойчивого развития, основанного на балансе интересов и на действии целенаправленно формируемых механизмов согласования и равновесия.

Таким образом, можно снять упреки в идеализации «дикарей», лишить обращение к их опыту элементов либо «экзотики», либо «потребительства». Это отнюдь не «мракобесие», не рецидив средневековья с его «антинаучными» ценностными установками. Это признание многих и множественных возможных проявлений мира, познание ко-

торых неотделимо от критического переосмысления всей ценностной системы, унаследованной от эволюционизма, позитивизма, рационализма и идей техногенной обусловленности «прогресса».

Смена или коррекция картин мира в состоянии дать новые направления и импульсы для развития техники, технической мысли, инвестиционных потоков. Они как раз и способны служить пока еще утопичному стремлению к «постиндустриальному обществу» не как к «информационному» (т.е. продолжающему то же «индустриальное»), но к гуманному, равновесному, жизнеспособному и сбалансированно обеспеченному обществу, основанному на социальной справедливости.

В данной работе методологической посылкой выступают принципы всеединства и всесвязности явлений действительности, природы и общества. Приведу пример приложения к музейной практике этих принципов. Мною собран блок образцов камней со скалистых отложений — священных урочищ «Страны бамбара» на территории Республики Мали (МАЭ, колл. № 7143-64—70). С одной стороны, это сугубо геологический материал, с другой — частицы социально значимых элементов ландшафта, возможно, обладающего специфическими физическими свойствами, которые и сделали эти природные явления социально значимыми (магнетизм, радиация и т.п.). Пребывание этих материалов в коллекциях этнографического музея расширяет его источниковый потенциал. На теоретическом же уровне я постулирую условность и относительность многих общепринятых процедур познания как порождений конкретных культур и конкретных обстоятельств, не имеющих прямых соответствий в системе отражения других культур, в частности бамбара. Чаще всего это продукт «условностей» европоцентризма. К таким «условностям» относятся познавательная расчленяемость мира, рассмотрение субъектно-объектных отношений, непреложность причинно-следственных связей. Без этих постулатов не было бы Цивилизации. Но сама Природа организована иначе. И наши правила познания свидетельствуют о Природе лишь в соответствии с нашими стереотипами отражения, чувствования, осмысления ее, т.е. в соответствии с заданностью кодов наших органов чувств и заданностью унаследованной и воспроизводимой культуры. Таким образом, перевод фундаментальных постулатов из безусловных в условные уже сам по себе выступает как методологический постулат с немалыми эвристическими возможностями, ибо обеспечивает более адекватное отражение самой реальности.

Выработавшийся метод исследования во многом предопределен обстоятельствами сбора материалов, в которых решающими оказались пятилетние наблюдения в Республике Мали с общим временным диапазоном в 34 года. Именно они сформировали «угол видения» научной традиции и накопленного в ее рамках материала. Сам способ наблюдения может быть назван «скользящим взаимодействием», несколько отличным от привычных для этнографии и социологии эмпирических методов: анкет, опросов, интервью, включенного наблюдения. Особенность заключается в интеграции наблюдателя в среду, когда роли не вызывают сомнения у участников взаимодействия, но наблюдатель минимально провоцирует среду на определенный им самим поток информации, фиксируя естественный ход событий в среде и его закономерности. Естественным дополнением к этому выступает возможность реализации эмпатического подхода [Арсеньев 1998а], основанного на адекватном ощущении наблюдателем эмоциональных настроев самой среды.

Однако методически все эти приемы были бы несостоятельны без их сочетания с привычными кабинетными исследовательскими процедурами компилятивно-аналитического характера, связанными с компонентным, структурным, функциональным, семиотическим и другими подходами.

Музей

В системе современной культуры, унаследованной от предшествующих поколений и воспроизводящейся в соответственно данных формах, общественно и цивилизационно значимыми учреждениями, которые фиксируют, аккумулируют, хранят, изучают и делают всеобщими памятники и документы исторически состоявшихся форм природного и общественного бытия, являются музеи. В этом смысле музей есть явление, выступающее в социокультурной сфере как институт хранения, осмысления и передачи общественно значимой культурной информации. Музей возникает на зрелом этапе формирования цивилизации: а) при высоком уровне дифференциации конфессиональной и мирской сфер передачи культурной традиции; б) отделении конфессионального от идеологического; в) выделении рефлексированной формы самовосприятия общества в профессиональную, организованную сферу.

В силу специфики культурного процесса в странах Европы в Новое и Новейшее время музей не стал центром формирования и реализа-